

МУРЗИКА

XV 63
II

Л4

АПРЕЛЬ

1946

ЖУРНАЛ
ЦЕ ВЛКЕМ

ДЛЯ

ШКОЛЬНИКОВ МЛАДШИХ
КЛАССОВ

БАЛЛАДА О ПАМЯТНИКЕ

Передают в горах такой рассказ:
Война пришла на Северный Кавказ.

И статую с простёртою рукой
Увидел враг над пенистой рекой.

—Убраты!—сказал немецкий генерал.
И бронзу переплавить приказал.

И вот на землю статуя легла.
А вечером, когда сгустилась мгла,

Немецких автоматчиков конвой
Её увёз в машине грузовой.

До самых звёзд в ту ночь стоял туман,
В ущельях гор скрывая партизан.

И там, где был дороги поворот,
Заговорил по-русски пулемёт.

И эхо вторило ему в горах
На всех гортанных горских языках.

И выстрелами озарялась высь:
В теснинах гор за Ленина дрались.

И Ленин сам—с машины грузовой—
Смотрел на этот партизанский бой.
Темнел вдали крутой высокий склон—
Тот, за которым Сталин был рождён.

ХЛ-11-618

XX $\frac{63}{11}$

III

Проснулись утром люди в городке,
И вышли дети первыми к реке.

Они пошли взглянуть на пьедестал,
Где Ленин столько лет и зим стоял.

И видят: Ленин цел и невредим
И так же руку простирает к ним.

Как прежде, руку простирает к ним
И говорит: «Друзья, мы победим!»

Он говорит—или шумит река,
Бегущая сюда издалека...

Лев Николаевич Толстой

Ребята! Недавно в нашем журнале мы рассказывали вам о великом русском учителе Константине Дмитриевиче Ушинском. Восемьдесят лет назад он создал для русских маленьких детей интересные книги, по которым дети учились грамоте и которые они читали сразу после букваря. В этих книгах были увлекательные рассказы, замечательные стихи русских поэтов, русские народные сказки и былины, пословицы, поговорки, загадки. Мы печатали их в № 1 «Мурзилки».

В это же время другой великий русский человек, писатель Лев Николаевич Толстой, начал тоже создавать первые после букваря книги для чтения детей. В Ясной Поляне, которая находится недалеко от г. Тулы, Лев Николаевич устроил у себя дома школу для крестьянских детей. В этой школе он сам учил детей всему, что, по его мнению, должен был знать человек. Он обучал их читать, писать, считать, рассказывал им, что делается в лесу, в поле, отчего происходит снег, дождь, гром, где и как живут люди на свете, как русский народ боролся со своими врагами, какие у нас были сильные богатыри. В Ясной Поляне ещё и сейчас живут некоторые ученики Льва Николаевича. Это уже глубокие старики, но до сих пор они вспоминают о Толстом, как о самом близком и родном человеке, научившем их жить, работать, любить свой народ. Толстой открыл свою школу не только для

того, чтобы научить яснополянских детей грамоте, а и для того, чтобы самому узнать, как нужно учить детей и как нужно писать для них книги.

Всё, что он собирался напечатать в своих книгах для детей, он читал сначала в школе ученикам, слушал все их замечания, потом исправлял свои рассказы. Некоторые рассказы он прямо и писал вместе с крестьянскими детьми, которых он всегда считал очень умными и смысловыми ребятами.

Над книгами для детей Л. Н. Толстой работал очень много — целых 14 лет. Он хотел, чтобы эти книги рассказывали детям обо всём, что в жизни делается, чтобы они были написаны простым и красивым народным русским языком. Лев Николаевич написал много очень хороших и больших книг для взрослых, за которые Ленин назвал его величайшим писателем не только России, но и всего мира. Но книги для детей Лев Николаевич считал самым важным делом своей жизни. И действительно, это лучшие детские книги. По ним учились наши деды и отцы, по ним учитесь и вы, ребята. И если вы хотите читать увлекательные рассказы и сказки, если вы хотите ясно и просто выражать свои мысли, говорить на том красивом языке, на котором говорит русский народ, читайте его книги. Дальше (на стр. 5—9) мы печатаем несколько рассказов и сказок, взятых из книг Толстого для детей.

КАК ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ РАССКАЗЫВАЛ ПРО МАЛЬЧИКА И ПРО ОГУРЕЦ

Льва Николаевича сфотографировали в то время, когда он рассказывал своим внукам сказку о мальчике и огурце.

Идёт мальчик по огороду, видит — лежит на грядке огурчик, маленький, зелёный.

«Съем-ка его», думает мальчик. И Лев Николаевич делает вид, что бросает огурчик в рот и — «гам!» — почти не жуя, глотает его.

Идёт мальчик дальше, видит — на грядке лежит огурец побольше. Лев Николаевич показывает величину огурца руками и голосом.

«Съем-ка я и его», думает мальчик.

Лев Николаевич засовывает воображаемый огурец в рот.

«Гам!» говорит он и жуёт старательно и едва проглатывает.

Дальше идёт мальчик, и опять на грядке лежит огурец — огромный.

Руки Льва Николаевича показывают огурец-великан.

Но мальчик и этот огурец решил съесть.

Лев Николаевич с трудом вталкивает и этот огурец в рот, еле-еле пережёвывает, сильно отдувает щёки и всячески показывает, как ему трудно разжевать и проглотить огурец-великан.

Но «гам!» говорит он с трудом и снова проглатывает.

Всё это Лев Николаевич проделывает так живо, что его маленькая внучка Танечка, которой он как-то рассказывал эту сказку, приняла всё это за правду и, стараясь всунуть свой пальчик в рот дедушке, повторяла: «А ну-ка, покажи, а ну-ка, покажи, дедушка!», надеясь и в самом деле увидеть там большой зелёный огурец.

РАССКАЗЫ И СКАЗКИ ТОЛСТОГО ДЛЯ ДЕТЕЙ

Ты сердита, так иди же натаскай воды

Была девочка Параша. Мать сказала: «Идём в поле рожь вязать». Параша сказала: «Я не иду, я нынче сердита». А мать сказала: «Ты сердита, так иди же натаскай воды».

Железом хлеб добывают

Мальчик взял крюк железный и бросил. Мужик сказал: «Что ты добро бросаешь?» Мальчик сказал: «На что мне железо, его нельзя есть». А мужик сказал: «Железом хлеба добывают».

Знай, сверчок, свой шесток

Взял мальчик косу и задумал траву косить. Срезал себе ногу и заплакал. Баба увидела и сказала: «Не тебе косить. Тебе ещё только батюшке завтракать носить. Знай, сверчок, свой шесток».

Знает кошка, чьё мясо съела

Девочка без матери зашла в погребицу и выпила молоко. Когда мать пришла, де-

вочка потупилась, не глядит на мать, и сказала: «Матушка, что-то кошка лазила в погребицу, я её выгнала. Не поела б она молоко». Мать сказала: «Знает кошка, чьё мясо съела».

Два раза не умирать, а раз не миновать

Горел дом. А в доме остался ребёночек. Никто не мог войти в дом. Солдат пришёл и сказал: «Я войду». Ему сказали: «Сгорьшишь». Солдат сказал: «Два раза не умирать, а раз не миновать». Вбежал в дом и вынес ребёночка.

От добра, добра искать не надо

Бежал заяц от собак и ушёл в лес. В лесу ему хорошо было, да уж много он страху набрался и хотел ещё лучше спрятаться. Стал искать, где поглуше место, и полез в чащу в овраге, и наскочил на волка. Волк схватил его. «Видно, правда, — подумал заяц, — что от добра добра искать не надо. Хотел лучше спрятаться — и вовсе пропал».

СМЕРТЬ ОЛЕГА

Рис. А. ГОНЧАРОВА

Был русский князь Олег. Он призвал к себе волхвов и спросил у них: какая его жизнь будет и какая смерть? Волхвы сказали: «Жизнь твоя будет счастливая, а смерть тебе будет от любимого твоего коня». Олег и подумал: «Если мне смерть от любимой лошади, так я её отошлю и никогда на ней ездить не буду». И Олег велел отвести лошадь в дальнюю деревню.

Один раз приехал Олег в ту деревню. Время уж прошло много. Олег и спросил: «А где лошадь моя, что я сюда прислал? Жива ли?» Ему и говорят: «Лошадь твоя

давно уже издохла». И жалко стало Олегу лошади. Он и говорит: «Напрасно погубил я коня. Покажите мне его». А ему говорят: «Он давно издох, его волки съели, одни кости остались».

Олег велел провести себя к тому месту, куда они бросили лошадь. А там только кости валялись да лошадиная голова. Олег и подумал: «Как же мне смерть придёт от этого теперь?» И он толкнул ногой лошадиную голову. А в голове была змея. Она выползла, зашипела и Олега в ногу ужалила. От этого Олег и умер.

КАК БОРОЛСЯ РУССКИЙ БОГАТЫРЬ

Рис. А. ГОНЧАРОВА

При князе Владимире напали на Россию печенеги. Подошли они с большим войском под Киев. Князь Владимир вышел со своим войском навстречу. Сошлись они на реке Трубеже и остановились.

Князь печенежский подъехал к реке, позвал князя Владимира и сказал: «Зачем нам много народа убивать? А сделаем вот как: ты выпусти своего силача, а я своего выпущу, и пускай они поборются. Если твой будет сильнее моего, так я уйду, а если мой одолеет, то покорись ты со всей своей землёю».

Князь Владимир вернулся к своему войску и сказал: «А есть ли в нашем войске такой силач, чтобы взялся бороться с печенегом?»

Один старик сказал: «Я пришёл сюда с сыновьями сам-четвёрт, а пятый, меньшой сын, Иван, остался дома. Вели послать за ним. Ему бог дал силу большую». Владимир сказал: «Какая его сила?» Старик сказал: «Его сила вот такая: одново мьял он воловью шкуру. Мне не показалось, как он это делает, я и побрани его. Он рассердился да и разорви шкуру пополам».

Князь Владимир послал за Иваном. Когда его привели, князь Владимир сказал ему:

«Можешь ты бороться с печенегом?» Иван сказал: «Я не знаю своей силы. Надо испытать». Князь Владимир велел привести большого быка и сказал: «Ну, покажи над ним свою силу». Иван велел раздражить быка, и когда бык набежал на него, он схватил его рукой за бок, вырвал кусок кожи с мясом, а потом кулаком ударил его между рог и убил.

Владимир послал сказать печенежскому князю, чтобы он выслал своего силача. На другой день сошлись оба войска. В середине сделали чистое место. От русских вышел Иван. Он был невелик ростом и лицом бел. От печенегов вышел чёрный великан. Когда печенег увидел Ивана, он сказал: «Зачем малого привели? Я раздавлю его».

Когда силачи вышли на середину, на чистое место, они схватились за кушаки, укрепились ногами и начали сжимать и ворочать друг друга. Печенежский силач хотел поднять Ивана и перекинуть через себя его, но Иван так крепко сжал печенега, что он не мог дышать и захрапел. Тогда Иван приподнял его, шмякнул об землю и расшиб досмерти.

Печенеги испугались и побежали, и русские побили их.

БОЛЬШАЯ МЕДВЕДИЦА

Была давно-давно на земле большая засуха: пересохли все реки, ручьи, колодцы, и засохли деревья, кусты и травы, и умирали от жажды люди и животные.

Раз ночью вышла девочка из дома с ковшиком поискать воды для больной матери. Нигде не нашла девочка воды и с

усталости легла в поле на траву и заснула. Когда она проснулась и взялась за ковшик, она чуть не пролила из него воду. Он был полон чистой, свежей водой. Девочка обрадовалась и хотела было напиться, но потом подумала, что не достанет матери, и побежала с ковшиком домой. Она так спешила, что не заметила под ногами собачки, споткнулась на неё и уронила ковшик. Собачка жалостно визжала. Девочка хватилась ковшика.

Она думала, что разлила его, но нет, он

стоял прямо на своём дне, и вся вода была цела в нём. Девочка отлила в ладонь воды, и собачка всё вылакала и повеселела. Когда девочка взялась опять за ковшик, он из деревянного стал серебряный. Девочка принесла ковшик домой и подала матери. Мать сказала: «Мне всё равно умирать, пей лучше сама», и отдала ковшик девочке. И в ту же минуту ковшик из серебряного стал золотой. Тогда девочка не могла уже больше удерживаться и только хотела приложиться к ковшику, как вдруг в дверь вошёл странник и попросил напиться. Девочка проглотила слюни и поднесла страннику ковшик. И вдруг на ковшике выскочило семь огромных брильянтов, и из него полилась большая струя чистой, свежей воды.

А семь брильянтов стали подниматься выше и выше, и поднялись на небо, и стали Большой Медведицей.

Лебеди

Рис. А. МОГИЛЕВСКОГО

Лебеди стадом летели из холодной стороны в тёплые земли. Они летели через море. Они летели день и ночь, и другой день и другую ночь они, не отдыхая, летели над водою. На небе был полный месяц, и лебеди далеко внизу под собою видели синюющую воду. Все лебеди утомились, махая крыльями; но не останавливались и летели дальше. Впереди летели старые, сильные лебеди, сзади летели те, которые были моложе и слабее.

Один молодой лебедь летел позади всех. Силы его ослабели. Он взмахнул крыльями и не мог лететь дальше. Тогда он, распустив крылья, пошёл книзу. Он ближе и ближе спускался к воде, а товарищи его дальше и дальше белелись в месячном свете. Лебедь опустил на воду и сложил крылья. Море всколыхнулось под ним и покачало его.

Стадо лебедей чуть виднелось белой чертой на светлом небе. И чуть слышно было в тишине, как звенели их крылья. Когда они совсем скрылись из вида, лебедь загнул назад шею и закрыл глаза. Он не шевелился, и только море, поднимаясь и опускаясь широкой полосой, поднимало и опускало его.

Перед зарёй лёгкий ветерок стал колыхать море. И вода плескала в белую грудь лебедя. Лебедь открыл глаза. На востоке краснела заря, и месяц и звёзды стали бледнее.

Лебедь вздохнул, вытянул шею и, взмахнув крыльями, приподнялся и полетел, цепляя крыльями по воде. Он поднимался выше и выше, и когда вода осталась далеко внизу его, он полетел вперёд, в ту сторону, где были тёплые страны. Он летел один над тайными водами, туда, куда улетели его товарищи.

ИДЕТ КОЗА РОГАТАЯ

Идёт коза рогатая,
Идёт коза бодатая
За малыми ребятами.
Ножками топ-топ,
Глазками хлоп-хлоп.
Кто каши не ест,
Молока не пьёт —
Забодает, забодает, забодает.

Рис. Ю. Васнецова

ХОДИТ КОТ ПО ЛАВОЧКЕ

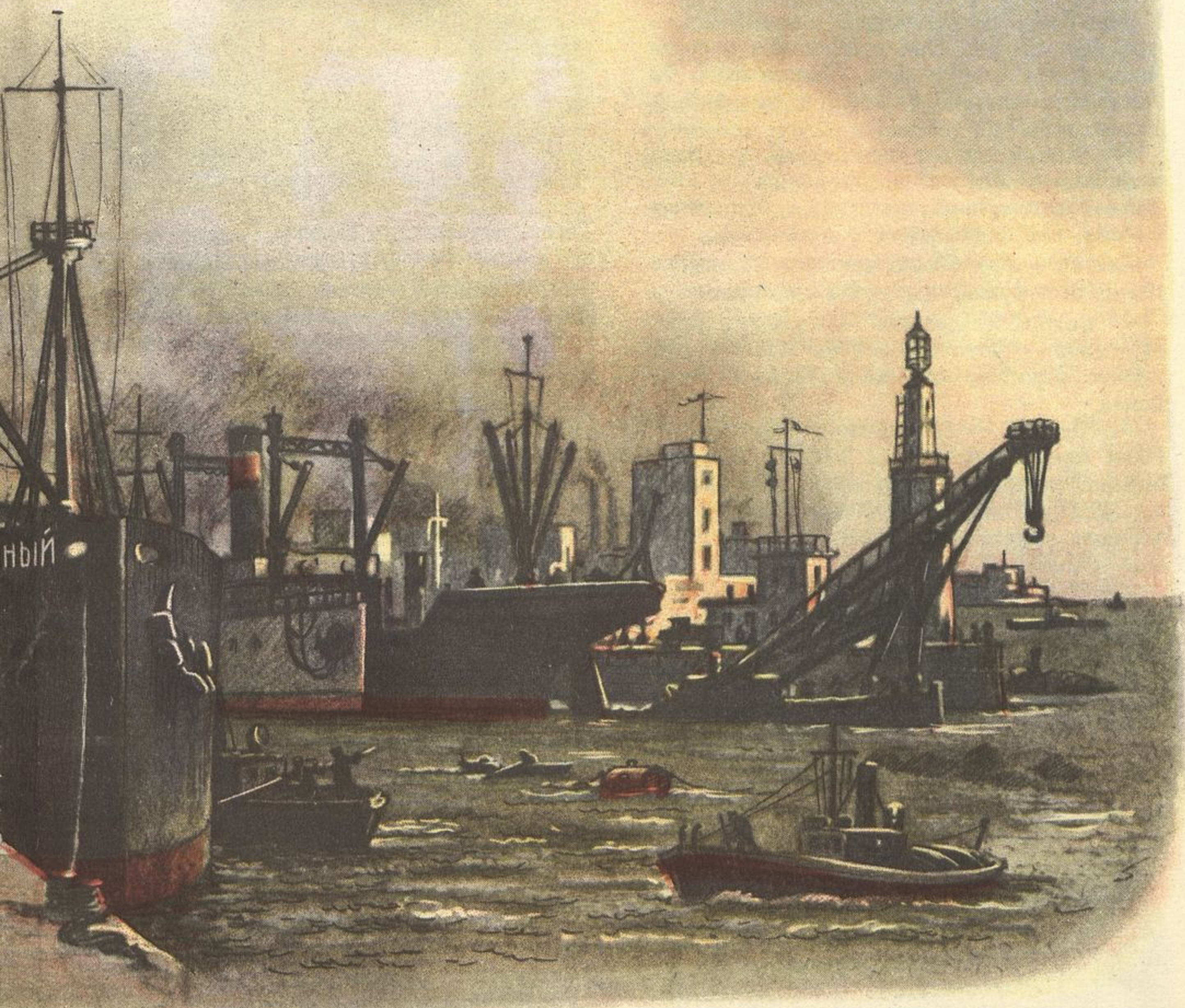
Ходит кот по лавочке,
Водит кошку за лапчатку:
Топы, топы по лавочке,
Цапы, цапы за лапочки.

Рис. Ю. Васнецова

У причала стоит пришвартованный океанский грузовой пароход «Будённый». Подъёмные наземные краны, ко-

торые ходят по рельсам, разгружают тракторы на железнодорожный состав. Направо видна корма большого ко-

рабля-лесовоза и мол, на котором находится маяк и служба наблюдения, следящая за приходом и уходом ко-

раблей. Перед маяком стоит пловучий подъёмный кран. Налево—склад Центросоюза, сзади—хлебный элеватор.

П Е Т Ь К А - С Ы Щ И К

Папа купил Петьку прямо на улице у какого-то мальчика, который говорил, что это исключительно породистая собака.

Принеся щенка домой, папа сказал:

— Может быть, это сен-бернар? Он рыжеватый, и морда у него, как у сен-бернара.

Мы очень обрадовались. Сен-бернары — хорошие собаки. Они отыскивают в горах заблудившихся путников. Можно было бы поехать с ним на Кавказ и кого-нибудь там спасти.

— Совсем это не сен-бернар, — сказал наш сосед Георгий Абрамович. — Это, если хотите знать, сеттер — охотничья собака. Смотрите, какие у него уши.

Сеттер — тоже было неплохо. Мы могли бы купить ружьё и поехать охотиться.

— Вздор! — сказала соседка Марья Ивановна. — Это вовсе и не щенок. Это просто взрослая маленькая собачка болонка.

— Чепуха! — сказал папин сослуживец Иван Алексеевич. — Вы увидите, как эта болонка вырастет через месяц. По-моему, это ищейка доберман-пинчер. Правда, доберманы чёрные, но, может быть, щенок ещё потемнеет.

Иван Алексеевич рассказал нам, как ищейки находят украденные вещи и помогают ловить преступников.

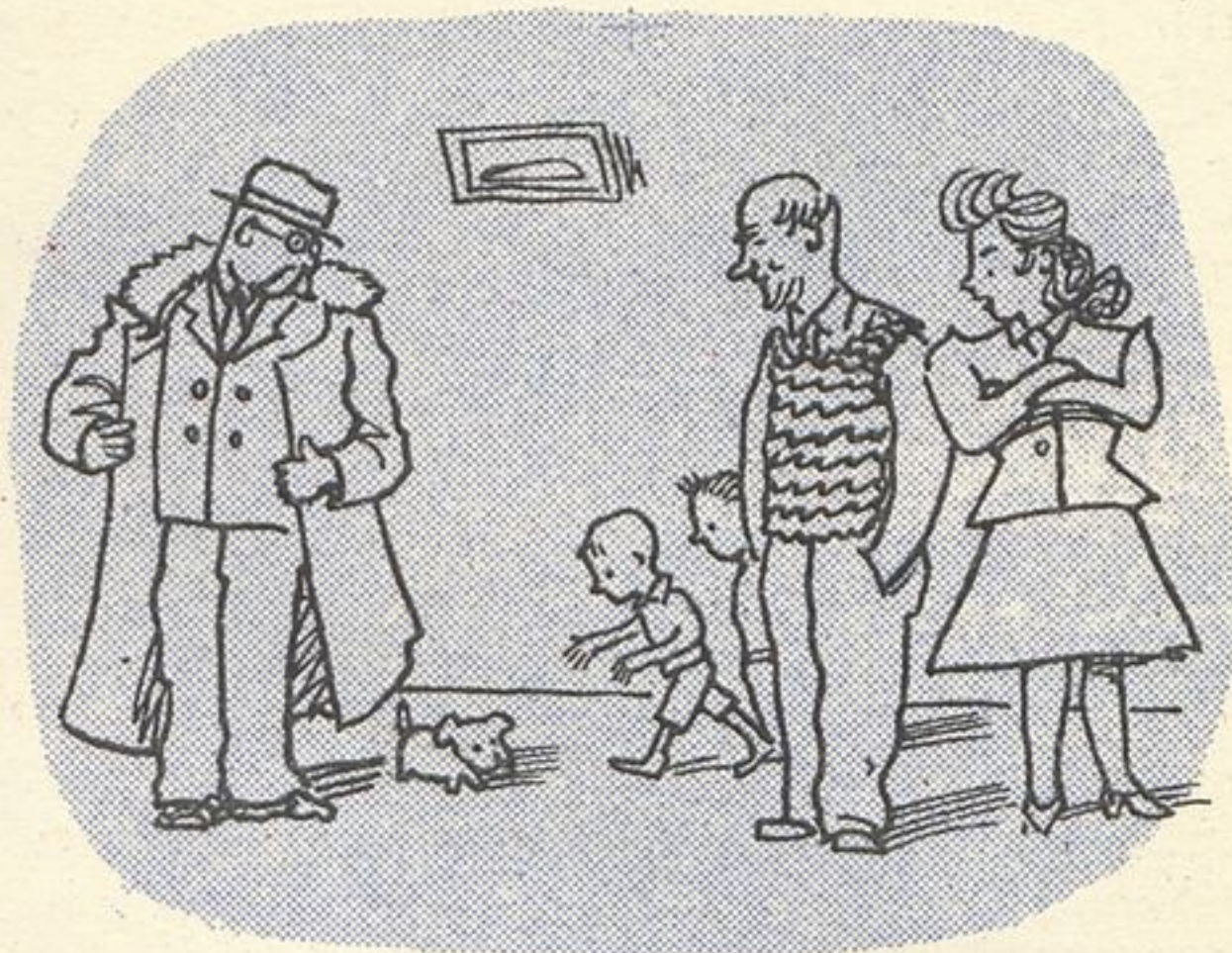
Вечером, когда мы легли спать, Саша сказал, тяжело вздохнув:

— Вот было бы хорошо, если бы у нас украли что-нибудь!

— Да, — согласился я и добавил с завистью: — Обокрали же квартиру Лямоновых!

Мы долго ещё говорили о том, как было бы хорошо, если бы обокрали нас, или Георгия Абрамовича, или Марью Ивановну. Придут сыщики, но ничего не смогут найти.

Тогда мы выпустим Петьку. Петька уверенно пойдёт по следу. Вот он привёл нас к подозрительной двери. Дверь взломали. Началась перестрелка, главный вор удирает. Нам дают револьверы, и мы с Петькой преследуем его...

Мы начали говорить слишком громко. Пришёл папа, велел сейчас же спать, и мы заснули.

Нам удивительно повезло. Не прошло и месяца, как в квартире случилась кража, и даже не одна, а несколько, и все очень таинственные.

Сначала из передней исчезли калоши Георгия Абрамовича. Их искали по всей квартире, под кроватями и столами, за шкафами и за комодами, но они словно провалились сквозь землю. Георгий Абрамович клялся, что накануне калоши стояли в передней, но папа и Марья Ивановна решили, что он забыл их где-нибудь в учреждении.

— Что ж вы думаете, я сумасшедший? — сердился Георгий Абрамович. — Что ж, я вечером без калош по лужам шагал? А почему у меня ноги сухие?

— Все мы люди рассеянные, — отвечал, усмехаясь, папа. — Со всяким может случиться.

На следующий день пропала папина новая шляпа. Вечером папа положил её в передней на стол, и точно её корова языком слизала. Георгий Абрамович уверял, что папа её забыл где-нибудь.

— Позвольте, — говорил папа, — Вче-

ра шёл дождь. Не мог же я не заметить, что иду под дождём без шляпы!

— Рассеянные люди! — вздыхал Георгий Абрамович. — Чего только не бывает с рассеянными людьми!

Вечером Саша сказал:

— Ну, Женя, готовься. Кажется, будет нам с Петькой работа. Хорошо, если б вор забыл какую-нибудь вещь. Мы бы дали её Петьке понюхать, и он бы выследил вора.

И, можете себе представить, всё так и случилось, как нам хотелось. В воскресенье у Марьи Ивановны пропала шерстяная кофточка. Марья Ивановна выстирала её и повесила в кухне сушиться. Через полчаса пришла на кухню, а кофты нет. Дверь на лестницу оказалась отпертой, потому что Саша, впустив Петьку после гулянья, забыл её запереть.

Все обрушились на Сашу.

— Это неважно, что дверь была отперта, — объяснил Саша. — У воров всегда есть отмычки. Так что, если бы они захотели, они всё равно украли бы вашу кофту.

И вдруг мы увидели на полу у плиты пёструю шёлковую косынку с разводами и цветами.

— Одну минуточку, — сказал Саша и поднял косынку.

Косынка сильно пахла духами. По такому запаху не только ищейка, а любой барбос нашёл бы следы. Через минуту мы уже вели Петьку на поводке. Петька вилял хвостом и хватал меня за штаны. Мы ткнули его мордой в косынку, он лёг на спину, завилял хвостом и замахал всеми четырьмя лапками.

— Я знаю, какой он породы, — сказал Георгий Абрамович. — Он дворняга. Его надо посадить на цепь. Вот что.

Мы ничего не ответили. Мы знали, что ему самому будет стыдно, когда Петька разыщет его калоши.

— Петька, — говорили мы, — Петя, миленький, ищи, ищи вора.

Петька вскочил, натянул поводок и ринулся к двери. Взрослые переглянулись.

— Гм... — сказал

папа, наклонил голову и посмотрел на Петьку поверх очков, а Петька носом тыкался в дверь и повизгивал.

— В конце концов, — неуверенно сказал Георгий Абрамович, — может быть, это действительно доберман.

Саша открыл дверь. Петька, обнюхивая ступеньки, помчался вниз. За ним бежали мы с Сашей, сзади шли взрослые, делая вид, что идут просто так, для смеху. На самом деле им, конечно, тоже было интересно.

Выбежав во двор, Петька стал рыскать и нюхать асфальт.

— Ищет! — сказал Саша, чуть не плача от восторга. — Женька, ты видишь, ищет!

Я хохотал, подпрыгивал и хлопал себя по коленям. Взрослые подавали советы.

— Пусть он ещё косынку понюхает, — сдавленным голосом говорила Марья Ивановна.

— Науськивайте! — советовал папа.

Петька, повизгивая, побежал в подворотню.

— След ясный, — сказал Саша. — Замечаешь?

Мне всё это так нравилось, что я не мог говорить и только смеялся.

Мы все высыпали на улицу. Петька устремился на мостовую, подбежал к огромной чёрной машине и, присев на задние лапы, залаял.

— Не понимаю, — сказал Саша. — Не мог же вор за кофточкой на машине приехать!

Из машины высунулся полуседой мужчина, густо поросший волосами. У него была борода лопатой, большие усы, и даже из ушей росли волосы,

— Скажите, — спросил Саша, — это ваша косынка?

Бородач захохотал, трясая бородой и усами.

— Моя, — сказал он. — Я всегда ношу косынки по воскресеньям. А шёлковых чулок вы не находили? Это тоже мои.

Папа, Марья Ивановна и Георгий Абрамович, построившись в ряд, стояли на тротуаре.

— Сейчас же назад! — говорил папа свистящим шопотом. — Вы слышите? Сейчас же назад!

Саша нерешительно посмотрел на Петьку. Петька тьякнул ещё раз и, круто повернувшись, побежал обратно через двор и прямо на нашу лестницу.

Мы все, толкая друг друга, неслись за ним. Петька отмахивал марш за маршем. Возле дверей нашей квартиры он остановился. Саша открыл дверь. Мы вбежали в кухню. Петька уселся на пол и весело тьякнул. Георгий Абрамович посмотрел на папу, папа посмотрел на Марью Ивановну, а Марья Ивановна захохотала, да так, что у неё даже слёзы потекли по лицу.

— Ничего смешного, — мрачно сказал Саша. — Щенок ещё молодой, неопытный. А вор, может быть, на трамвае уехал. Попробуй найди его!

Мне тоже было очень обидно. Нехорошо смеяться над щенком! Мы взяли Петьку и ушли к себе. Нам даже разговаривать не хотелось. Петька бегал по комнате, потом полез за печку, повозился там, потом вылез и стал играть на полу.

Мы с Сашей посмотрели на него и обмерли от ужаса. Петька грыз чёрную штуку, которая раньше была калошей.

— Женька! — сказал Саша.

— Саша! — сказал я.

Мы бросились к печке и вытащили из-за неё серую тряпку (бывшую папину шляпу), переднюю половину второй калоши, кофточку без рукавов, рукав от кофточки, заднюю половину второй калоши и мокрый моток шерсти, из которой когда-то был связан второй рукав кофточки Марьи Ивановны.

Мы сели на пол и в ужасе смотрели друг на друга. Петька сел между нами, одно ухо вскинул кверху, другое опустил вниз, подмигнул и тьякнул.

— Что же делать? — спросил я.

— Тьяв! — сказал Петька.

— Надо положить вещи обратно, — сказал Саша.

Я посмотрел на вещи и застонал.

— Тьяв! — сказал Петька.

— Один рукав, конечно, можно пришить, — неуверенно сказал Саша.

— А второй? — спросил я.

— Петьку сейчас же выгонят из дому, — сказал Саша.

— Тьяв! — сказал Петька и потянул меня за рукав.

— Надо спасти собаку, — решил Саша, и мы взялись за дело.

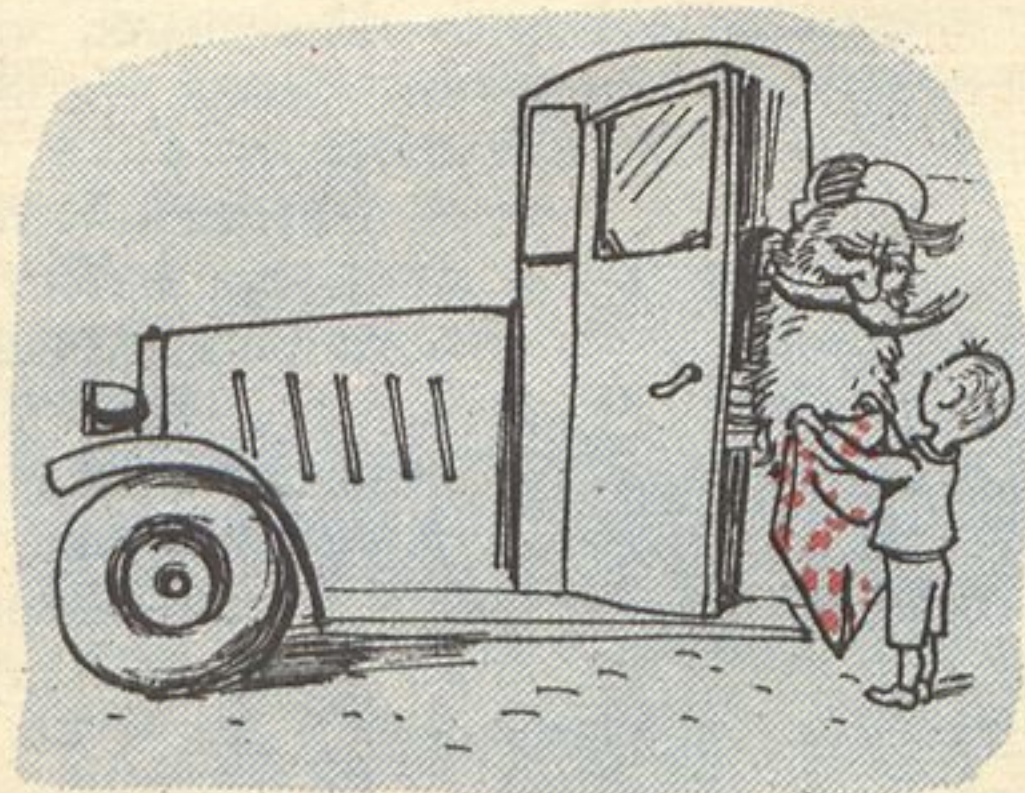
Две половины калоши были сшиты верёвочками и замазаны резиновым клеем. Шляпу расправили, и она стала похожа на что-то круглое. Один рукав пришили к кофточке, а к дырке от второго прикрепили нитками комок мокрой шерсти.

В квартире было тихо. Папа сидел у себя и щёлкал на счётах. Георгий Абрамович лёг поспать. К Марье Ивановне пришла приятельница, и они вдвоём пили кофе. Мы прокрались в переднюю, положили папину шляпу на стол, поставили калоши на пол, потом пошли на кухню и развесили на верёвочке кофту.

Увы! Шляпа была похожа на изъеденную ржавчиной кастрюлю, калоши казались вынутыми из мусорной ямы, а кофточка напоминала сено, которое корова жевала целую ночь, а утром решила не глотать и выплюнула обратно в кормушку.

— Невозможно, — сказал Саша. — Надо всё снова прятать.

Как назло, у Георгия Абрамовича заболела голова, и он решил пойти в аптеку за пирамидоном. Мы еле успели удрать,

оставив и калоши, и шляпу, и кофточку. Через минуту в квартире поднялся страшный шум. Георгий Абрамович звал папу, потом они громко разговаривали, потом позвали Марью Ивановну и пошли все вместе на кухню.

Послышался стонущий голос Марьи Ивановны, — это она увидела кофточку. Потом голоса стали приближаться к нашей комнате.

Саша встал, решив грудью встретить удар, а я так испугался, что залез под кровать.

Дверь открылась. Впереди стоял папа, держа в руке бывшую свою шляпу. За ним стоял Георгий Абрамович. Он надел по калоше на каждую руку, как будто решил ходить на четвереньках и уже обулся для этого. Марья Ивановна держала кофту двумя пальцами; за Марьей Ивановной торчала голова её приятельницы, очень худой и очень высокой женщины.

— Ну, — сказал папа, глядя на Сашу поверх очков.

От ужаса я закрыл глаза.

— Ты прав, папа, — сказал Саша. — Это было нехорошо. Я сам не знаю, что на меня нашло. Ночью я встал и украл шляпу, калоши и кофточку.

Я сразу понял, почему Саша так говорит. Петьку могли за такие штуки выгнать вон, а Сашу папа не выгонит, потому что он папин сын. Тогда я высунулся из-под кровати и сказал:

— На меня тоже нашло, я тоже украл шляпу, калоши и кофточку.

Все наклонили головы и посмотрели на меня. Я снова спрятался под кровать и забился подальше.

— Так, — сказал папа. — А калоши Георгия Абрамовича жевал тоже ты?

— Жевал? — неуверенно переспросил Саша. — Да. Жевал тоже я.

Я высунулся из-под кровати и сказал:

— А рукав от кофточки сжевал я.

Все опять посмотрели на меня, и я опять забился поглубже.

Наступила тишина. Я всё ждал, что начнется крик, и вдруг услышал всхлипывание. Я высунул голову и увидел, что Георгий Абрамович прижал к лицу платок и всхлипывает. «Неужели это он из-за калош так расстроился?» подумал я. Но Георгий Абрамович прыснул и закашлялся.

— Ой, — кричал он, — ой, не могу! — Он держался за косяк и всё-таки еле стоял на ногах от хохота.

Я осмелел и вылез из-под кровати. Вижу, и папа смеётся. Нахмурится на секунду — и снова смеётся. И Марья Ивановна вся колыхалась от смеха. И даже торчащая сзади голова её приятельницы улыбалась и раскачивалась на тонкой шейке.

Тут мы с Сашей увидели, что всё обошлось, и тоже начали хихикать. Действительно, оказалось, что от смеха все почти совсем перестали сердиться. Петьку потыкали носом в калоши, шляпу и кофточку и выдрали, а нам папа сказал только:

— Если хотите иметь щенка, мальчики, следите за ним.

— Хорошо, папа, — ответил Саша.

Марье Ивановне папа купил новую кофточку и Георгию Абрамовичу калоши. А вечером пришла какая-то женщина.

— Это у вас, — говорит, — рыжий щенок живёт?

— Да, — говорим, — у нас. А что такое?

— Фу, — говорит, — наконец нашла! Целый день по всему дому ищу. Я, — говорит, — из окна уронила шёлковую косынку, а он подхватил её и убежал.

Косынка оказалась порванной, так что папе пришлось покупать ещё и косынку.

А сам папа с тех пор так и ходит в старой, мятой шляпе.

С В И Н Ь Я Д А Б А Р А Н

с к а з к а

и л и - б ы л и
Свинья да Баран.
Однажды Свинья
говорит Барану:

— Живём мы с тобою, Баран, на дворе со скотами, ничего не видим, ничего не знаем! Давай начнём торговать! Авось, в люди выйдем! Только чтобы самому свой товар не есть и без денег никому товара не отпускать!

— Давай, — говорит Баран.
Вот напекла Свинья лепё-

шек, а Баран наварил картошки; истратили они все свои деньги, только у Свиньи остался один пяточок.

Пошли Свинья да Баран на базар. Пришли рано-рано, никого на базаре не было. Сидели-сидели, — проголодались. Свинья и говорит Барану:

— Продай мне на пяточок картошки, есть хочется!

Обрадовался Баран — покупатель нашёлся; отсыпал Свинье картошки и получил пяточок.

Съела Свинья картошку и сидит — покупателей ждёт. Сидели-сидели, — проголодался Баран и говорит Свинье:

— Продай мне на пяточок лепёшек, есть хочется!

Обрадовалась Свинья — покупатель нашёлся! Дала Барану лепёшек, получила пяточок, и сидят — покупателей ждут. Потом опять проголодалась Свинья; купила у Бара-

на и съела картошки на пяточок; потом Баран купил у Свиньи на пяточок лепёшек. И так торговали они, пока не съели все лепёшки и всю картошку. Посмотрели — и денег ни у кого нет, только у Свиньи остался её пяточок.

Сидят Свинья и Баран, и думает каждый думушку: «Нак же так — товар я свой не ел, без денег товар не давал, а нет ни товара, ни денег?»

Посидели - посидели, посмотрели друг на друга и говорят:

— Не умеем мы торговать, не выйти нам в люди!

И пошли жить на скотный двор.

ФИЛИПП

У Лены был товарищ, сын наших соседей, Петя. Петя был славный краснощёкий мальчик и очень любил птиц. Он постоянно держал у себя дома то щегла, то жуланчика.

Однажды в конце зимы Петя постучал к нам в окно и, придавив нос к стеклу, спросил: «Где Лена?» Лена подбежала к двери и открыла её. Петя вошёл, осторожно держа что-то в кулаке.

Он принёс Лене живого воробья и отдавал насовсем не из каких-либо корыстных расчётов, а просто потому, что у Пети в это время жил скворец очень бойкого нрава. Петина мама больше не велела приносить птиц, а то и скворца выгонит.

— Мама, можно, чтобы он у нас жил? — спросила меня Лена.

Воробей был немного помят. Одна лапка у него была опутана белой крепкой ниткой и вся распухла. Лена и Петя осторожно разрезали и сняли нитку. Когда воробья пустили на стол, он заскакал бокком и чирикнул.

— Слышишь? — сказал Петя. — Он говорит: «Фи-липп!» Очень ясно сказал. Так его зовут.

Всем очень понравилось, что воробей сам назвал себя, и Филипп мгновенно был принят в нашу семью.

Воробей Филипп прижился у нас, обитал на кухонном окне и объяснялся всегда одним и тем же словом: «Филипп», но с разными интонациями. Иногда это было грустное: «Фи-и-липп!», иногда резкое, сердитое: «Фи-липп!», иногда вопросительное: «Фи-ли-ипп?» Петя часто навещал его и, посвистывая, объяснялся с ним на чистом воробьином языке. И переводил Лене, что воробей сказал.

Однажды в ясный весенний день, когда перед окнами на деревьях развернулись глянцевые молодые листочки, Лена с Петей прибежали из сада и принесли Филиппу муху. Но Филипп был

грустный, ничего не ел и не чирикал. Он сел Лене на плечо и так отправился с ней в столовую. Дети не успели оглянуться, как Филипп перелетел с плеча Лены на перекладину открытой в столовой форточки, во весь голос крикнул: «Фи-липп!» и выпорхнул в широкий мир.

— Филипп! — крикнула Лена и кинулась к окошку. — Петя, Петя, поймай его: вон он сидит!

Вылетев из форточки, Филипп сразу же сел на ветку дерева перед окном и сидел, оглушённый дыханием, шумом, звуками широкого неомнатного мира. Наверно, ему казалось, что всё вокруг него сияет зелёным и золотым.

— Сейчас я его позову обратно, — сказал Петя и высунулся в форточку. — Филипп! Филипп! — крикнул он и засвистел.

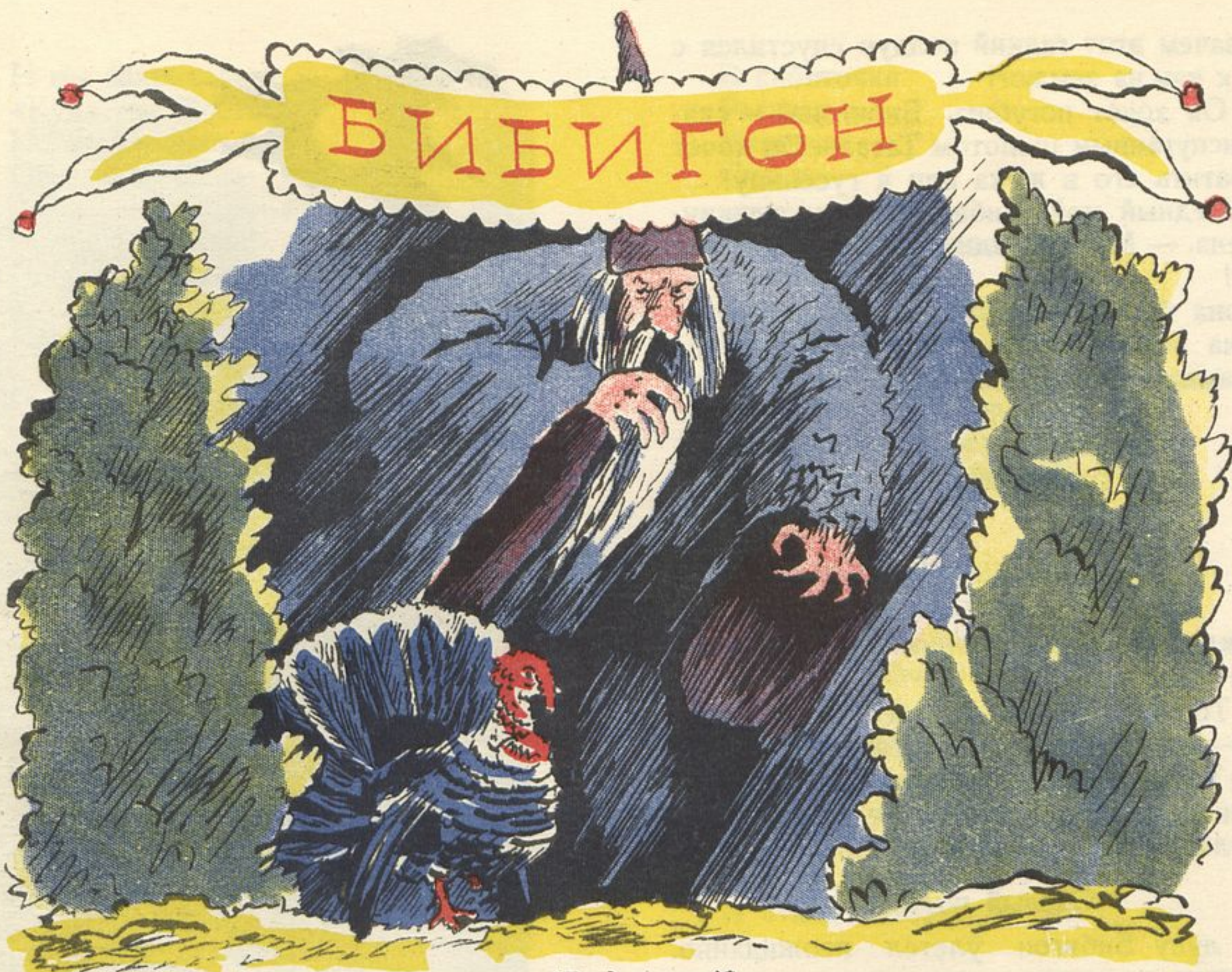
Филипп повернулся на ветке, наклонил голову набок, взглянул на дом, на окошко, на Петю чёрными живыми глазками и вдруг звонко, отчаянно, во всё свое маленькое горлышко крикнул: «Фи-и-липп!» Он крикнул с таким выражением, какого мы никогда не слышали, сорвался с ветки и полетел в зелёную, свежую, облитую лучами солнца аллею.

— Теперь уже не поймаешь! — грустно сказала Лена. — Жалко Филиппа. Он что сказал?

— Это по-ихнему он «до свиданья» сказал, — утешил Петя Лenu. — Он потом вернётся. Видала, какой он сытый стал? Это мы его откормили. Ему у нас было хорошо жить, спокойно. Вон у нас скворца насильно не выгонишь. Увидишь — вернётся!

Дети долго ждали Филиппа. Но Филипп не вернулся. И когда я вспоминаю, как он крикнул свое «Фи-и-ли-ипп!», мне всегда кажется, что в этот раз Петя ошибся и перевёл неверно. Филипп крикнул не «до свиданья», а «здравствуй» всему широкому, свободному миру, в который он возвращался.

К. ЧУКОВСКИЙ

(Продолжение)*

Рис. В. КОНАШЕВИЧА

Брундуляк

Однажды Бибигон очень долго смотрел на своего врага из окошка, а потом вскарабкался ко мне на плечо и сказал:

«Вон погляди: стоит индюк
И смотрит яростно вокруг.
Но ты не верь своим глазам:
Он не индюк. На землю к нам
С луны спустился он тайком
И притворился индюком.
Он злой колдун, он чародей!
Он может превращать людей
В мышей, в лягушек, в пауков,
И в ящериц, и в червяков!
Ах, почему на всём скаку
Я не срубил ему башку!
А вон, гляди, бежит барбос.
Ты думаешь, что это — пёс?
Нет, это — старый Агафон,
Наш деревенский почтальон.
Ещё недавно в каждый дом

С газетою или с письмом
Он заходил, но как-то раз
Колдун сказал «Кара-бараз!»,
И вдруг — о чудо! — в тот же миг
Барбосом сделался старик!
О, злой колдун! Подобно мне,
И он родился на луне!
Да, на луне! И много лет
За мною рыщет он вослед
И хочет превратить меня
В букашку или в муравья.
Но нет, коварный Брундуляк!
Со мной не справишься никак!
Я шпагой доблестной моей
Всех заколдованных людей
От злой гибели спасу
И голову тебе снесу!»

Лена глянула на индюка и закричала:
— Да, да! Он колдун. Он не индюк, а колдун! У него даже бородавки волшебные, даже красная кишка на носу!

При этом она чуть не заплакала: так ей стало жалко несчастных людей, которых погубил он своим колдовством.

* Начало см. в нашем журнале №№ 11 и 12 за 1945 г., №№ 1 и 2 за 1946 г.

И зачем этот гадкий колдун спустился с луны к нам на землю?!

— Он хочет погубить Бибигона! — сказала испуганным шопотом Тата. — Он хочет превратить его в жука или в гусеницу!

— Бедный мой Бибигуля! — воскликнула Лена. — Мы не дадим тебя в обиду, не бойся!

И она бросилась целовать лилипута.

Лена очень любит Бибигона и никогда не называет его «Бибигон», а всегда:

или Бибигуля,
или Бибика,
или Бибигончик,
или Го,
или Гого́,
или Биби́би,
или Би́ба.

Каждый день она придумывает для него новое имя.

— Только бы его не погубил Брундуляк! — дрожащим голосом говорит она Тате. — Только бы не превратил его в червяка или в ящерицу! Только не помешал бы ему улететь на луну!

Смелый полёт

На луну Бибигон улетел неожиданно. Мы даже не успели хорошенько попрощаться с ним и снарядить его в путь.

День был тихий и солнечный. Весело чиркали птицы.

Как вдруг залетела в наш сад стрекоза
И мигом попалась ему на глаза.

И он закричал:

«Это мой самолёт!
Сейчас я отправлюсь
В большой перелёт!

Из Африки
Я полечу к Парагваю,
Потом на родимой луне побываю!

Три чуда

Оттуда

Я вам привезу!»

И он на лету оседлал стрекозу.

Глядите! Глядите!

Летит он над ёлкой

И весело машет своей треуголкой!

«Прощайте! — кричит он. —

В открытом бою

Я злого дракона,

Как муху, убью!»

И мы закричали:
«Куда ты? Постой!»
Но нам только эхо
Ответило: «ой!»

И нет Бибигона!
Пропал он, исчез!
Как будто растаял
Средь синих небес!

И домик его остаётся пустой, —
Игрушечный домик, уютный такой,
Который своими руками
Ему смастерили мы сами,
С игрушечной ванной, с картонной
плитой, —
Неужто навеки он будет пустой?

Теперь в этом домике кукла Аглая.
Но кукла Аглая — она не живая,
Она не живая, в ней сердце не бьётся,
Она не поёт, не шалит, не смеётся!
А наш Бибигуля, хоть он озорной,
Но он — человек, живой он, живой!

И в небо глядят безутешные внуки,
И, за слезою роняя слезу,
Всё ждут, не увидят ли там, возле
тучки,
Летающую к ним стрекозу.

И встала луна над кустами сирени,
И Тата печально шепнула Елене:
«Взгляни-ка, — иль это мерещится мне? —
Как будто он там, на луне!»
Он там, на луне! Он туда воротился
И с нашей землёю навеки простился.

Мы получаем от Бибигона письмо

И долго бедняжки стоят у крыльца,
И смотрят, и смотрят в бинокли,
И катятся слёзы у них без конца,
От слёз их бинокли промокли.

Вдруг видят:
Полосатая
Кибиточка
Катит.

В кибиточке
Рогатая
Улиточка
Сидит.

Везут её проворные
Усатые жуки
И чёрные-пречёрные
Ночные мотыльки.

Кузнечики зелёные
Идут за нею в ряд
И в трубы золочёные
Безумолку трубят.

Катит-катит кибиточка,
И прямо на крыльцо
Весёлая улиточка
Бросает письмецо.

В тревоге и печали
К письму мы подбежали
И начали читать.
Когда же прочитали,
Забыли все печали
И стали хохотать.

Всего четыре строчки
На липовом листочке
Нам пишет Бибигон:
«Вчера за чёрной тучею
Моей рукой могучею
Сражён и побеждён
Дракон Караккакон!
Отпраздновать победу
Я к вам приеду в среду.
Примите мой поклон!
Ваш верный
Бибигон».

И счастливы внуки:
«Мы будем опять
Его умыть, одевать, баловать!
Он жив и здоров!
Он вернётся сюда,
И мы не расстанемся с ним никогда!
А если сестру он от гибели спас,
Любимой сестрой она будет для нас!»

(Продолжение следует)

Сорока-ворона
Кашу варила,
На порог скакала,
Гостей созывала.
Гости прилетели,
На крылечко сели.

На обложке и
спинке художник Ю. Васнецов
нарисовал картинки к
известной народной песенке. Какой?
Начало песенки мы здесь напечатали.
А кто из вас скажет её конец?

Год издания двадцать третий

Цена 1 руб.

Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

Редколлегия: С. М. АЛЯНСКИЙ, А. П. БАБУШКИНА (отв. редактор), В. В. БИАНКИ, Ю. А. ВАСНЕЦОВ, В. В. ЛЕБЕДЕВ, С. В. МИХАЛКОВ, А. К. ПОКРОВСКАЯ, К. А. ФЕДИН, И. И. ХАЛТУРИН, К. И. ЧУКОВСКИЙ, Е. Л. ШВАРЦ. Техн. редактор З. В. ТЫШКЕВИЧ.
Адрес редакции: Москва, Новая площадь, 6. Тел. К-0-48-23. Подписано к печати 23/III 1946 г. А00927. Объем 3 печ. л. 3,8 уч.-изд. л.
33 000 экз. в печ. л. Тираж 105 000 экз. Заказ 377.

Тип. «Красное знамя» изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», Москва, Суцеская ул., 21.

3 115 1946